

М. В. Сабина

**Дэвид Юм. Его жизнь и
философская деятельность**

«Public Domain»

Сабина М. В.

Дэвид Юм. Его жизнь и философская деятельность /
М. В. Сабина — «Public Domain», — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-425-08323-4

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-425-08323-4

© Сабина М. В.
© Public Domain

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

М. В. Сабина

Дэвид Юм. Его жизнь и философская деятельность

ВВЕДЕНИЕ

Во всей истории борьбы различных философских школ между собой, быть может, наиболее ярко и резко выражались несогласия и различия взглядов у последователей школ догматических и скептических. В самом деле, трудно вообразить себе более несходные учения. Если в этом случае, с одной стороны, представителями философии являются люди, исходящие из какого-либо положения (догмы), признаваемого несомненно истинным, непреложным; если, допустив это положение, они затем прямо строят на нем свои теории, подчас весьма красивые и увлекательные, как, например, теории эпикурейцев и стоиков, то, с другой стороны, мы имеем дело с философами, начинающими свои рассуждения сомнением (*скепсисом*) по отношению к предшествовавшим им догматическим школам. Самыми древними представителями скептиков считаются те философы поаристотелева периода, которые в III веке до Р. Х. основали школы, названные *академическими*, и которые восстали против догматических стоиков и эпикурейцев.

Как бы возрождением этой древней борьбы в сравнительно близкое к нам время,— но, прибавим, в гораздо более оригинальной, блестящей и утонченной форме,— является философская деятельность англичанина Дэвида Юма, жившего в XVIII веке. Большинство его сочинений, замечательных и по содержанию, и по изяществу литературного стиля, проникнуто одним желанием: выявить все заблуждения, все предрассудки, ошибки и пристрастия тех мыслителей, которые и задолго до него, и непосредственно перед ним были руководителями умственного развития в современном им обществе. Оружием для этой борьбы Юм выбрал древний скепсис, обострив его удивительной способностью тонкой критики и умением с замечательной последовательностью развивать свои мысли, не отступая перед слишком смелыми, порой отчаянными заключениями, к которым приводила его предпринятая работа.

Интересной кажется нам следующая характерная черта, резко отличающая древних скептиков от Юма. Древние скептики, сказали мы, были противниками эпикурейцев и стоиков; надо заметить, что обе эти догматические школы преследовали в своих исканиях чисто эгоистическую цель: доставление счастья единичному человеку; причем одни (эпикурейцы) видели это счастье в пользовании всевозможными удовольствиями, наслаждениями, так как в этом-то, по их мнению, и состоит высшее благо, указанное нам природою; другие же (стоики) требовали от человека вполне бесстрастного, апатичного отношения ко всему внешнему, для того чтобы он тем успешнее мог углубиться в самого себя и при помощи своей добродетели найти верное понимание добра и зла; укрепленная же воля поможет ему окончательно побороть все зло в виде неразумных природных влечений, желаний, страстей и так далее и стать вполне счастливым. Обе эти теории исходили из того положения, что сущность добра, наслаждения или, наоборот, зла, страдания есть нечто доступное человеческому уму. Против этих учений скептики возразили, что всего человеческого познания недостаточно, чтобы определить сущность добра и зла, чтобы узнать абсолютную истину. Поэтому неутолимое стремление познать сущность вещей не может дать счастья человеку; напротив, оно тревожит его, волнует, приводит в состояние вечного беспокойства. Истинное же счастье доступно лишь тому человеку, который, отказавшись от знания абсолютной истины, смот-

рит на все внешнее с полным равнодушием, с душевным спокойствием, не нарушаемым никакими желаниями.

Счастье, возможность счастья, цена, которую выгодно заплатить за достижение его, – таковы основы и побудительные мотивы философствования древних догматиков, равно как и скептиков... Как далек новый скептик Юм от этого эгоизма, этой корысти своих древних предшественников! Рассеять тьму заблуждений и предрассудков, расчистить путь правде и насладиться ее светом, хотя бы то был такой ослепительный свет, от которого сильно пострадают непривычные глаза, – вот все, чего добивался знаменитый скептик XVIII века. При дальнейшем изложении философии Юма мы увидим, что опустошительные результаты смелой критики действительно привели его к глубокому отчаянию; но прямой и стойкий ум философа и его сильный характер не допускали ни компромиссов, ни недомолвок. Юм геройски выдержал и презрительное негодование современников, и собственные душевные терзания, и потерю веры в смысл своего существования, – словом, вынес все, чего боялись древние скептики. Это-то и составляет интереснейшую черту в учении и характере Юма, этого замечательного и смелого аналитика.

ГЛАВА I

Родители и семейная обстановка Юма. – Его школьные занятия и юношеские склонности. – Первые шаги на практическом поприще

Род Юмов происходит от известной шотландской фамилии графов Юмов, и уже во время Иакова I и Иакова II Стюартов представители его отличались в войнах с Францией. Отец Дэвида Юма, Иосиф Юм, был небогатый шотландский помещик, владевший небольшой фермой, расположенной в Бервикширском графстве. Это родовое поместье Юмов носило название Ninewells (девять ключей) благодаря довольно значительному источнику, орошавшему покатым луг перед домом и впадавшему в ближайшую реку Уайтаддер. Мать Юма, дочь президента Юридической коллегии, сэра Фольконера, характеризуется и своими детьми, и знавшими ее современниками как женщина замечательная и лучшая из матерей.

26 апреля 1711 года у Иосифа Юма и жены его, гостивших в Эдинбурге, родился третий ребенок, Дэвид. Вскоре затем отец семейства скончался, оставив на руках своей жены двух малолетних сыновей и дочь.

В автобиографии Дэвид Юм рассказывает о своих родных следующее: “Моя семья была небогата, а так как я был меньшим братом, то моя доля в отцовском наследстве была, разумеется, очень незначительна. Отец мой, имевший репутацию талантливого человека, умер во время моего детства, оставив меня, старшего брата и сестру на попечение матери, женщины, обладавшей замечательными достоинствами, – будучи еще молодой и красивой, она вполне посвятила себя уходу за своими детьми и воспитанию их”.

Талантливый биограф Д. Юма, Бертон, говорит, что, судя по портрету, наружность госпожи Юм была очень приятна и обнаруживала большую тонкость ума. Проницательная и очень добрая, домовитая и практичная во всех своих поступках, женщина эта передала младшему сыну главные черты своей нравственной личности, и некоторые биографы (например, Гексли), быть может, не без основания предполагают, что Дэвид Юм унаследовал от своей матери те качества, которыми главным образом обуславливались его успехи на поприще философской деятельности. Интересно, что в данном случае наследственность проявилась и в физической организации, одинаковой у матери и у сына: оба умерли от одной и той же болезни. Таким образом, в лице Д. Юма мы имеем еще одним примером больше для сторонников той теории, что сын наследует от матери ее способности и что у многих замечательных и талантливых деятелей отцы были самыми обыкновенными, посредственными людьми, а матери отличались замечательными умственными дарованиями и выделялись из среды современных им женщин.

Интересен сохранившийся рассказ о том, как охарактеризовала госпожа Юм своего меньшего сына в дни его юношества: “У нашего Дэви, – сказала она, – превосходный характер, но он удивительно слаб умом”. Первая часть этого суждения блестяще оправдалась во всей последующей жизни “Дэви”, но откуда вывела проницательная мать-воспитательница свое второе заключение? – вот вопрос, интересный и загадочный... Не говоря о том, что Дэвид Юм в своей ученой деятельности обнаружил способности настоящего умственного атлета, мы должны признать за ним большой дар практической мудрости и замечательную выдержку в исполнении принятых им решений. По всей вероятности, проявлением “слабости” в своем сыне г-жа Юм считала то, что он выбрал себе ненадежную и невыгодную карьеру научного деятеля. Может быть также, что резкое суждение матери в данном случае было вызвано рано обнаружившеюся склонностью Юма никогда не увлекаться ни в какую сторону: во всех своих мнениях и поступках он проявлял обыкновенно ту сдержанную умеренность, которая хотя и зовется “золотой” серединой, но, тем не менее, вызывает невысокую оценку как способностей, так и стремлений подобного “посредственного деятеля”.

О первоначальном воспитании и образовании Юма до нас дошли очень скудные сведения: известно, что двенадцатилетним мальчиком он был отдан в греческий класс Эдинбургского университета, где и оставался около трех лет, то есть до окончания курса, который в то время был ограничен тремя или четырьмя зимними семестрами по шесть месяцев каждый. Вероятно, именно к этому школьному периоду жизни Юма относятся следующие слова его: “С успехом прошел я обычный курс учения и очень рано почувствовал влечение к наукам, которое было главнейшею страстью моей жизни и высшим источником моих удовольствий”.

Следующие шесть-семь лет своей жизни Юм употребил как бы на подготовку к той работе, которая должна была затем сосредоточить на себе все его способности, выразить все его взгляды и убеждения и сделаться его первым видным шагом на пути общественной деятельности. Станным может показаться такое раннее, как бы преждевременное развитие ума будущего философа, а между тем так было на самом деле: шестнадцатилетний юноша в своих письмах высказывает те мысли, которые служат прямыми намеками на суть его будущих замечательных теорий; в своих занятиях неопытный школьник сразу берется за то, что впоследствии становится основанием для дальнейших его исследований и кладет заметный отпечаток и на внешнюю, и на внутреннюю стороны его сочинений. Удивительная определенность стремлений и устойчивость намеченного образа действий отличали Юма с первых лет его сознательной жизни и были, конечно, главной причиной того, что вся личность его глазам биографов представлялась сильным характером, стойкой натурой.

Период от шестнадцати до двадцати двух лет в жизни каждого человека сопровождается формированием его духовной личности. Правда, интеллектуальная жизнь свойственна в известной степени каждому возрасту, начиная с младенческого; но правда также и то, что лишь в эпоху юности, то есть именно с пятнадцати-шестнадцати лет, эта умственная жизнь начинает выбиваться из-под оков чужих понятий и убеждений, внушаемых как воспитателями, так и другими близкими людьми; лишь в эту пору юноша начинает и рассуждать “по-своему”, и увлекаться “своими” интересами, и критиковать то, что раньше принимал на веру в окружающем мире.

Посмотрим же, чем ознаменовался в жизни Юма важный период юношества. Предоставленный самому себе по окончании университетского курса, он сосредоточенно и уединенно прожил шесть лет, проводя зимы в Эдинбурге, а летние месяцы в своем поместье. Любознательный ум и жажда ученья, лишь возбужденная, но не удовлетворенная прохождением университетского курса, сразу определили род занятий Юма: он принялся за чтение, остановив свой выбор на древних классиках и на тех представителях философии и поэзии, которые нашлись в небольшой семейной библиотеке Юмов. Есть полное основание заключить, что главным источником мудрости для Юма послужили в эту пору сочинения римских стоиков. Быстро усвоил себе Юм суть их систем и те философские вопросы о нравственности и о познании, которые ставились и решались в их произведениях. Эти занятия не прошли бесследно для будущей деятельности Юма: если его философию и можно считать развившейся из учения Локка, все же несомненно, что в первоначальном своем фазисе философские взгляды Юма возникали и развивались главным образом благодаря изучению греческих и римских писателей. Влияние Цицерона, Сенеки и Плутарха сильно проявляется и в постановке различных философских проблем, и в самом слоге многих произведений Юма.

Поглощенный книжными занятиями, юный Дэвид относился довольно безучастно к тому, что составляло обстановку его жизни в родовом имении, а между тем эта обстановка была далеко не безынтересна: графство, в котором жил Юм, богато самыми интересными преданиями о набегах и разбоях семнадцатого столетия; таинственными и красноречивыми свидетелями этих приключений и по сию пору остаются башни и крепости, рассеянные по берегам рек Твид и Яррау. Странно, что даже в те годы, когда все необыкновенное и романтическое возбуждает и разгорячает юное воображение, даже в эти годы Юм не был ни на

йоту романтиком и не заплатил обычной дани юношескому энтузиазму. Все, на что обращал Юм свое внимание и на чем он сосредоточивал свой интерес,— это польза; с этой лишь точки зрения он обсуждал те предметы и явления, на которых останавливался его проницательный взгляд. Трудно представить себе более бесстрастный темперамент, менее увлекающуюся натуру. В своей прозаичности Юм доходил даже до полного непонимания красоты и до неумения наслаждаться ею. Живопись, скульптура и музыка решительно не существовали для этого сухого и строгого мыслителя; а в своих замечаниях о крупнейших литературных произведениях он обнаруживал такое отсутствие художественного чутья, такую пристрастную и несправедливую оценку, какие решительно трудно понять и допустить в человеке, способном к самым остроумным и метким суждениям, когда дело касалось социальной и политической философии. Но именно односторонность и кажущееся несовершенство дарований Юма и составляли силу этого философа; они-то главным образом и придали цельность, определенность и законченность его теориям.

Итак, юноша Юм, погруженный в изучение древних поэтов и философов, с увлечением продолжал развивать свой ум и пополнять пробелы рано законченного школьного образования. Плоды своих самостоятельных размышлений, оригинальных и глубоких уже в эту раннюю пору жизни, Юм излагал в красноречивых посланиях к своим друзьям; так, например, в одном из писем, адресованных Михаилу Рамзею, шестнадцатилетний Юм пишет, между прочим, следующее: “Я живу по-царски, главным образом для самого себя, в бездействии и вне каких-либо волнений. Я предвижу, впрочем, что это состояние не будет продолжительным. Мир души моей недостаточно гарантирован философией от ударов судьбы. Истинное величие и возвышенность духа можно найти только в изучении и в созерцании; только они могут научить нас презирать случайности человеческой жизни. Вы понимаете, конечно, что, рассуждая подобным образом, я говорю как философ; об этом предмете я много размышляю и мог бы толковать о нем целый день”.

Воздавая должное и серьезным мыслям, и возвышенному тону этого письма, мы должны прибавить, впрочем, что пренебрежительное отношение к материальным благам и практическим интересам нередко встречается у юношей, ведущих уединенную, созерцательную жизнь и много читающих; в письме же Юма особенно характерно то место, где он выражает свое влечение к философии. Слова “об этом предмете я много размышляю” отнюдь не были преувеличением. Занятия Юма в это время не ограничивались одним чтением знаменитых мыслителей; способность и склонность к критике пробудились в нем при первом же ознакомлении с верованиями прежних времен; он смело развенчал все авторитеты и заглянул в глубину их учений, нисколько не ослепляясь ни славой, ни общепризнанным величием этих творений. Найдя все высказанное прежними философами недостаточно определенным и плохо обоснованным, Юм со всем пылом юности, на какой был способен, пошел навстречу тем открытиям, которые оставалось сделать в области мысли. Поэтому, наряду с чтением, семнадцати- и восемнадцатилетний Юм берется и за перо; он изводит массу бумаги на самые разнообразные заметки и даже пытается написать нечто законченное в виде “Очерков”, “Опытов” и так далее. Как бы ни были несовершенны и мало отделаны эти первые писания юноши, все же в них можно найти зачатки тех мыслей и даже того метода, которые впоследствии составили славу Юма.

Мирные и любимые занятия Юма в эпоху его юности два раза нарушались резкими и неудачными попытками его родных направить Дэвида на практическое поприще. Семнадцатилетнего Юма задумали сделать законоводителем и заставили его изучать юридические науки. Нет сомнения, что из Юма мог выйти замечательный юрист. По мнению Бертоне, он обладал всеми необходимыми для того качествами: ясностью и замечательной диалектичностью суждений, способностью быстро осваиваться с сущностью дела, неутомимой активностью. Но Дэвид был слишком поглощен другими идеями для того, чтобы он мог отдаться изуче-

нию познаний чересчур профессионального характера: Юм мечтал о великом литературном творении, которое произведет переворот в области философии и создаст ему мировую известность; понятно, как жалки казались ему в сравнении с этим успехи среди английских адвокатов или членов парламента. “В то время как мои родные думали, что я изучаю Вета и Винния, я тайком пожирал Цицерона и Вергилия”, – говорит о себе Юм.

Это подневольное приготовление Юма к юридической деятельности продолжалось всего год, а затем он снова был предоставлен самому себе и без помех принялся за своих любимых писателей. Но чересчур напряженная умственная деятельность юного философа не прошла для него даром. На восемнадцатом году здоровье Юма сильно пошатнулось; появились упадок духа и вялое отношение даже к тому, чем раньше он занимался с таким жаром. Дэвид понял, что ему необходимо хорошенько отдохнуть и окрепнуть телесно и умственно прежде, чем он примется за то серьезное сочинение, которое задумал. Это привело его к решению послушаться советов своих родственников и круто переменить образ жизни; в 1734 году, заручившись важными рекомендательными письмами, Юм отправился в Бристоль, надеясь устроиться в конторе одного из тамошних коммерсантов. “Через несколько месяцев, – говорит Юм в своей автобиографии, – я нашел, что этот род деятельности совершенно неподходящ для меня”. Этого и следовало ожидать. Жизнь и коммерческие занятия в Бристолье не оказали никакого влияния на Юма, и эпизод этот можно было бы совсем обойти молчанием, если бы он еще ярче не оттенял того, что никакие временные уклонения не могли заставить Юма забыть намеченную им цель, не могли отвлечь его от великих дум и стремлений, всецело овладевших его юным существом. Сколько времени провел Юм в Бристолье, это вопрос, на который трудно ответить с точностью. В автобиографии Юма есть намек на то, что пребывание его в Бристолье ограничилось всего двумя месяцами; в других же сочинениях, между прочим в “Мемуарах” Анны Мор, говорится, что бристольский торговец бельем Пич пользовался общением с Юмом в течение двух лет. Как бы то ни было, первый выбор практической деятельности был сделан неудачно; Юм резко порвал сношения с чуждым ему кружком коммерсантов и уехал из Бристоля во Францию, ища вдали от родины такого уединения, в котором он без помех мог бы предаться своим ученым занятиям.

Чтобы покончить с юношеским периодом жизни Юма, нам следует упомянуть об одном замечательном письме этого философа, письме, написанном им в Лондоне, где он останавливался на пути из Шотландии в Бристоль. Неизвестно, кому предназначалось это послание; в бумагах Юма оно сохранилось под обозначением “Письмо к врачу”. Сам автор письма называет его “Нечто вроде истории моей жизни”, и уже по одной этой причине оно имеет право на наше внимание; искренний и сердечный тон письма всего лучше будет виден, если мы приведем целиком главные места из него.

“Я должен сказать Вам, – пишет Юм, – что с самого раннего детства у меня было сильное влечение к книгам и письмам. Так как наше классическое образование в Шотландии, – не идущее, впрочем, далее изучения языков, – обыкновенно оканчивается в четырнадцати– или пятнадцатилетнем возрасте, то по окончании курса мне предоставлялась полная свобода в выборе чтения; скоро я убедился, что меня в равной степени влекут к себе как философские книги, так и произведения поэтические и словесные. Тот, кто изучал философию или критику, знает, что ни в одной из этих областей нет ничего прочно установленного и что они, даже в самых существенных частях своих, заключают главным образом бесконечные противоречия. Изучив их, я почувствовал, что во мне зарождается и крепнет смелость духа, не располагающая меня склониться перед тем или другим авторитетом, а, напротив, побуждающая искать какого-либо нового средства для восстановления истины. После целого ряда занятий и долгих размышлений об этом предмете, когда я достиг восемнадцатилетнего возраста, мне стало наконец казаться, что передо мной открылась совершенно новая арена мысли; это

сознание безмерно обрадовало меня, и с жаром, свойственным молодым людям, я отклонял всякое удовольствие, всякое другое занятие, решившись всецело отдаться своим размышлениям. Карьера, которую я намеревался было избрать, юриспруденция, мне опротивела, и я начал думать, что единственный путь, на котором для меня возможен успех, – это стать ученым (scholar) и философом. Этот образ жизни доставлял мне бесконечное счастье в течение нескольких месяцев; но в сентябре 1729 года я почувствовал, что мой первоначальный пыл остывает и что я не могу более поддерживать свой дух на той высоте, на которой до сих пор он испытывал величайшие наслаждения”.

Сперва Юм приписал этот упадок духа проявлению лени и в течение девяти месяцев работал с удвоенным старанием, но так как это не поправило дела, то он пришел к другому заключению. На него произвели сильное впечатление чудные образы добродетели, собранные в произведениях Цицерона, Сенеки и Плутарха, и юноша не щадил себя, пытаясь дисциплинировать свой нрав, свою волю и подчинить их разуму.

“Я старался, – говорит далее Юм, – укрепить свой дух размышлениями о смерти, о бедности, о бесчестии, о страдании и прочих жизненных бедствиях. Без сомнения, все эти размышления очень полезны, когда присоединяются к деятельной жизни, потому что в этом случае представляется возможность действовать согласно с нашими мыслями, и тогда эти мысли проникают в нашу душу, оставляя в ней глубокий след. Зато в уединенной, бездеятельной жизни они только рассеивают и изнуряют ум, потому что душевные силы наши, не встречая никакого сопротивления извне, как бы теряются в пространстве, – ощущение, подобное тому, какое мы испытываем, когда наша рука производит удар в пустоте”. Далее Юм говорит в том же письме: “Я заметил, что нравственная философия древних отличалась тем же недостатком, что и их философия природы, а именно, она была совершенно гипотетична, основывалась более на выдумках, нежели на опыте. Каждый философ обращался только к помощи своего воображения для того, чтобы установить учение о добродетели и о счастье, но не изучал при этом человеческой природы, а между тем на этом-то изучении и должны основываться все теории нравственности”.

Любопытный психологический кризис переживался Юмом в ту эпоху, о которой он так просто и вместе с тем красноречиво рассказывает в приведенном нами письме. Юноша, одаренный смелым полетом мысли и замечательной способностью критики, подметил слабые стороны разбираемых им философских учений; объединить свои замечания и составить из них систематическое опровержение прежних верований – для этого у юного философа нашлись и умение и достаточная уверенность в своих силах. Но разрушенные старые здания при своем падении открыли широкий горизонт, и отважный мыслитель рвался на эту “новую арену мысли”, пытаясь заложить на ней основание такой самостоятельной работы, которая своею прочностью превзошла бы все предшествовавшие. Но тут и сказалась вся рассудительность Юма, вся неспособность его увлекаться до самозабвения. Критически относясь к другим, он не щадил и себя; он прекрасно понимал, что, ведя уединенную, созерцательную жизнь и не обладая при этом достаточными познаниями в области экспериментальных наук, он не сможет создать таких нравственных теорий, которые основывались бы на изучении человеческой природы. Приходилось еще многое узнать и многому научиться, а юношеское воображение уже предвкушало всю прелесть творческой работы мысли... При таком настроении понятно и разочарование в своих качествах, умственных и нравственных, понятно и вялое, индифферентное отношение к той работе, результат которой так обманул Юма.

Найт именует это настроение молодого Юма “умственной хилостью”; мне кажется, что в этом случае правда на стороне Гексли, который называет апатию и ненормальное душевное состояние нашего философа “кризисом”. Да, кризис, после которого в организме “больного” совершился благодетельный перелом и началось быстрое и уже безостановочное развитие замечательных способностей.

ГЛАВА II

Первая поездка во Францию. – Философские занятия Юма и плод их. – “Трактат о человеческой природе”. – Первоначальная судьба этого произведения; авторское самолюбие Юма. – Второе литературное произведение Юма. – “Опыты нравственные, политические и литературные”. – Жизнь в доме лордов Анэндалей. – Процесс с ними

Направившись из Бристоля во Францию, Юм посетил прежде всего Париж, затем провел некоторое время в Реймсе и наконец поселился в небольшом местечке la Flèche, где и оставался два года из числа трех лет своего первого пребывания во Франции. По-видимому, Юм был очень доволен тем образом жизни, который он вел в избранном им уединенном селении. По его словам, здесь ему удалось устроить себе тот режим, которого он давно и упорно добивался. “Я старался, – говорит Юм, – только о том, чтобы сохранить свою независимость, и не обращал внимания ни на что, кроме усовершенствования моих литературных способностей”. Впрочем, из своего убежища Юм, очевидно, следил и за событиями современной жизни, так как и в его первом философском труде, и в позднейших “Опытах” мы находим мысли относительно сущности чудес и возможности совершения их. Рассуждения эти были вызваны тем, что во время пребывания Юма в Ля-Флеш общественное мнение Франции было сильно возбуждено рассказами о чудесах, совершившихся в Париже на могиле яansenистского аббата. Разумеется, Юм оспаривал как возможность, так и реальность этих чудес. К сожалению, мы не имеем никаких других сведений о том, как проводил время Юм в течение своего двухлетнего пребывания в Ля-Флеш. Известно только, что двадцати пяти лет Юм окончил большое сочинение “*Трактат о человеческой природе*” (“*Treatise on Human Nature*”), составляющее главный и наиболее ценный вклад Юма в философскую литературу. Так как, по словам самого автора, он задумал и начал этот труд еще живя в Шотландии, а затем продолжал его в Реймсе, то мы не ошибемся, предположив, что в Ля-Флеш Юм занялся лишь окончательной обработкой своего “Трактата”, то есть систематизированием материала, литературной отделкой его и так далее. Не без похвальбы говорит Юм в одном из своих писем, что “Трактат о человеческой природе” он написал в возрасте от двадцати одного до двадцати пяти лет, – факт тем более удивительный, что упомянутое сочинение отличается замечательными достоинствами: превосходной литературной формой, несравненной простотой и ясностью выражений, соединенными с глубиной мысли. Решительно ни одно философское сочинение, настолько зрелое, обдуманное и превосходное во всех своих деталях, не было написано таким юным автором. Замечательно, что в “Трактате” Юм высказал наиболее глубокие, наиболее оригинальные мысли, так что позднейшие его труды, быть может, более совершенные по форме и по строению, представляют по содержанию лишь бледные копии с того мощного произведения, которым Юм дебютировал на поприще философской литературы.

В сентябре 1737 года Юм отправился в Лондон для того, чтобы хлопотать там об издании своего “Трактата”. Прежде всего, однако, он занялся пересмотром и переделкой своего сочинения; некоторые части его он совсем выпустил, другие сильно изменил, делая все это для того, чтобы подготовить возможно лучший прием для своего детища. Своему родственнику, Генри Тому, он писал об этом следующее: “В настоящее время я занимаюсь кастрированием моей книги, то есть урезыванием ее лучших частей, стараясь сделать ее как можно менее оскорбительной”. В другом письме к тому же Генри он говорит: “Я не могу доверять своему мнению (о “Трактате”) как потому, что оно слишком близко касается меня самого, так и потому, что оно крайне изменчиво и я никак не могу установить его: иногда я возношусь выше облаков, иногда же терзаюсь сомнениями и страхами”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.